

Матрона Бодрова
Отблески

Татьяна Боброва

**Отблески. Стихи. О
том, что дорого...**

«Издательские решения»

Боброва Т.

Отблески. Стихи. О том, что дорого... / Т. Боброва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904226-2

Вот и начинают свой путь мои стихи — разноцветные отблески яркого пламени под названием Жизнь. Яркий оранжевый цвет — это детство, мои чувства. Золотой — Пушкин и лучшие люди своего времени. Белый — медицина, часть моей судьбы. Багряный — цвет осени, вдохновения. Жёлтый, солнечный отблеск — домашние зверюшки. Они любят просто так и нет ценнее любви. Сиреневый — это сын, друзья. Алый цвет — моя Россия. Впереди ещё много стихов-отблесков. А пока первые, самые дорогие начинают свой путь. Счастливо!

ISBN 978-5-44-904226-2

© Боброва Т.
© Издательские решения

Содержание

Отблеск золотой	6
«Он вольность хочет проповедать...»	6
«И снова осень в Болдино. Такой...»	7
«Всё кончено... Данзас ещё не верит...»	8
«Звезда пленительного счастья...»	11
«Роскошная, сверкающая Вена...»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Отблески Стихи. О том, что дорого...

Татьяна Боброва

© Татьяна Боброва, 2018

ISBN 978-5-4490-4226-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отблеск золотой

«Он вольность хочет проповедать...»

Он вольность хочет проповедать,
Курчавый смуглый лицеист.
Строка летит на белый лист
Изящным почерком поэта.
Ещё нет рядом Натали,
Зато есть Кюхля, Дельвиг милый,
И дух лица бродит в жилах,
Как пена в золотом Аи.
Его стихи непостижимы.
В толпе о славе говорят.
Но камер-юнкером царя
Он будет вечно нелюбимым.
Во всех красавиц он влюблён,
Но есть одна – он ею дышит,
Насмешек, сплетен он не слышит,
Безумным счастьем опьянён.
Хохочет Пушкин и кутит,
Танцует на балах, повеса.
Но уже пущена Дантесом,
Та пуля страшная летит...
Надолго гибельную страсть
Она сквозь время сохранила,
Вот Лермонтова поразила,
Вот Грибоедову пропасть.
Высоцкий, Мандельштам, Гагарин
Убиты пулей роковой.
А, может, завистью слепой
Того, кто пистолет направил?
Не то дуэль, не то молва
Сегодня также ранят душу.
Но жив курчавый смуглый Пушкин,
Пока любовь к нему жива!

«И снова осень в Болдино. Такой...»

И снова осень в Болдино. Такой
Она явилась Пушкину в изгнание.
Он написал: «...очей очарованье»,
И вот ложится пушкинской строкой
За рифмой рифма. Ах, как хорошо
Писалось в тихом болдинском именье.
Под шум дождя, под треск в печи поленьев
Он счастье вдохновения нашёл.
Спешил и грыз перо от нетерпенья,
Когда стихи на ум никак не шли.
Тогда писал прелестной Натали:
«Люблю! Скучаю каждое мгновенье...»
Гуляя с тростью, в шляпе у реки,
Он тосковал, наверно, по Фонтанке.
Однажды встретил девушку-крестьянку —
В глазёнках озорные огоньки,
Смешливая: «Ты, што ли, Пушкин будешь?
Не больно-то похож. Простой такой...»
А Пушкин вдруг привлёк её рукой,
Поцеловал: «Теперь уж не забудешь!»
Зарделась от смущенья. Хороша!
Стройна, красива, ножка небольшая.
И «Барышню-крестьянку» сочиняет
Великий Пушкин – русская душа.

«Всё кончено... Данзас ещё не верит...»

Всё кончено... Данзас ещё не верит,
Что Пушкин умирает на снегу.
Какая боль! Не пожелать врагу...
Лицо Данзаса... потрясён, растерян...

Он шепчет белыми губами: «Саша!
Да что же это, что же, боже мой!
Давай же, выстрел верный за тобой
И едем мы. Там, дома, ждёт Наташа».

И бережно поддерживает друга
Лицейских дней, прекрасных, лучших лет.
Но падает ненужный пистолет,
И взгляд туманит скорой смерти мука.

Кровь на перчатке, в мыслях канитель
Тягучих, липких, поздних слов-упрёков:
«Друзья и недописанные строки
Сегодня строго спросят про дуэль.

Что ж ты, Данзас, не смог для нас сберечь
Поэта русского, любимого народом?
От грязных сплетен алчущего сброда
Что ж не сумел его предостеречь?

Что им ответчу? Что любовь и честь
Для Пушкина высокий смысл имели,
И защищать их нужно на дуэли.
А разве способ лучше в мире есть?»

Данзас заплакал, остро ощущая,
Как для России тяжела потеря.
Как дядька, что растил, откроет двери,
Возьмёт на руки, понесёт, рыдая.

Как сгрудится на тихой Мойке люд:
Жандармы, бакалейщики, крестьяне,
С цветами девушки, поэты и дворяне.
Их скорбь поселится навечно тут.

А Пушкин никнет головой курчавой
И грезится ему – он лицеист.
Ложится вольный стих на белый лист,
И восторгается Державин величавый.

О, сколько их, свободных, дивных строк
Написано им с той поры чудесной,
Что юностью приходит к нам прелестной
И продлевает краткой жизни срок.

Да, краткой... Как же так? Он молод, любит.
Он любит и любим. К чертям Дантеса!
«Онегин» не закончен, рифмам тесно,
А надо умирать... «Тебя погубит, —

Гадалка предвещала, – белый кто-то,
Худой он человек, хоть и красивый.
Оставь надутых дураков спесивых,
Пиши свои стихи, твой путь короток».

Поэт печален, сумрачен бродил.
Пророчество им было не забыто...
«Ляксан Сергеич, барин, карта бита,
Наплюй!» – Никита дядька говорил.

Но в тот момент, когда шальное счастье
Накрыло с головой и закружило,
Геккерн с Дантесом подлостью решили
В весну добавить чёрный день ненастья.

«А-а, сатисфакция! Извольте, негодяи! —
Кричал он и бледнел сквозь смуглость кожи.-
Желаю отхлестать нахалов рожи.
Никита, пистолет мой заряжай!»

Метался среди книг к жене, затравлен,
И молча пасквилом грозил в лицо невинной.
Но тут же целовал её, остынув,
Шутил и хохотал, уж не подавлен.

Дуэлей в жизни Пушкина хватало,
Но эта оказалась роковой.
Сам государь обидчиков с лихвой
Покрыл, их козням потакал немало.

Последний миг – и пуля по незнанию
Свершила приговор чужой рукой.
Стрелял тот белый человек «худой»,
И ни суда ему, ни наказания...

Стал белый снег на Чёрной речке алым.
Барон Геккерн ждёт молча у кареты,
Поняв, что гибель русского поэта
Не искупить, и целой жизни мало.

«Звезда пленительного счастья...»

Декабристам посвящается

Звезда пленительного счастья
Была им послана судьбой.
Казалось, что никто не властен
Разрушить то, что чередой
Шло в жизни их благополучной:
Именье, слуги, гувернёр,
Лакей в дверях зевает скучно.
Взгляд маменьки – в глазах укор:
Опять не выучил французский,
Опять шалил и бегал в сад,
Чтоб в щёлочку смотреть на русский
Крестьянский быт, простой уклад.
Потом лицей, друзья навеки.
Он с ними таинство постиг
Свободы духа человека
И многих запрещённых книг.
Потом балы и на террасе
В кругу семьи вечерний чай,
Дворянский титул – всё прекрасно,
Но взор туманен невзначай...
Судьба и дальше благосклонна,
Как будто заключив пари
На вечность счастья. Князь Волконский
Увидел юную Мари.
Ах, как она была прелестна,
Улыбки нежной не тая.
И гордый генерал Раевский
Сказал негромко: «Дочь моя!»
Жест снова щедрый и знакомый —
Судьбы тончайшая вуаль;
Она подарит Трубецкому
Красавицу Катрин Лаваль.
О, это хрупкое создание
Без памяти Сергей любил.
И, затаив почти дыханье,
Он на руках её носил.
Вот Анненков, любимый нынче
Судьбой и маменькой подчас.
Блестящ, умён и ироничен,
Кавалергард и ловелас.
Но вдруг нашлась та, что сразила
Красавца сердце без труда.
Мадмуазель Полин пустила

Стрелу Амура навсегда.
«Женюсь на вас, Полин!» – кричал он
И лихо на коня взлетал.
Но, неприступная, бросала
Полин цветы, что он сорвал:
«Я, даже нищей умирая,
За деньги замуж не пойду!
Лишь по любви – вот мысль простая,
Вы ж на коротком поводу.
Барчук лощёный в эполетах,
Вам не понять, что за любовь
На смерть идут и знают это,
И погибать готовы вновь!»
Ах, если б знать Полине Гебль,
Что снег в Сибири бел и чист...
Что Анненков повстанцем не был,
А осуждён как декабрист.
Что на этапе повенчают,
Он в кандалах, она в фате.
Слезой непрошеной застанет
Тоска и горечь, что нигде,
Кроме России этой странной,
На каторгу за мысль не шлют.
У власти царской богоданной
Есть в мире справедливый суд.
Звезда пленительного счастья
Им, избранным, давала вновь
Во время рабства, самовластья
Поэзию, мечту, любовь.
Рылеев пишет о растратах,
О праве страшном крепостном,
О русских поротых солдатах,
Что шли вперёд в бою чужом.
Он нервно, исступлённо перья
Ломает, кровь в висок стучит.
«Восстание, – спокойно Пестель,
Шинель накинув, говорит. —
Мы Тайным обществом сплотимся,
За конституцию пойдём!
Не будет бедности, мздоимства,
Самодержавия. Рискнём?»
«Риск должен быть всегда оправдан, —
Промолвил умный Трубецкой. —
Переворот? Это забавно.
Но если вдруг провал? Другой
Избрать нам надо путь, пожалуй».
Каховский рассмеялся зло:
«Ну, проиграем. Ну, разжалуют...»
Но чувствовал, что не пришло

Их время. Их благой порыв
Встать на защиту всего люда
Жестоко разом подавив,
Царь не простит и не забудет.
И пятеро в петле стояли,
Исполнен страшный был обряд.
Сорвавшись, двое вдруг упали.
Все в потрясении молчат.
Спокойно, буднично и жутко
Команда снова раздалась:
«Да вешайте быстрее. Как будто
Занятие это в первый раз».
Каховский бешено кричит:
«Нас удавите аксельбантом!»
И, кажется, сейчас сгорит
От его взгляда адъютант.
А императору так страшно,
Что заперся он в кулуар:
«Волконский был среди восставших!
Князь Трубецкой! Какой кошмар!»
Сорвут парадный с них мундир
И шпагу на гражданской казни,
И будут сосланы в Сибирь
Князья фамилий тех прекрасных.
Якушкин, Оболенский, Кехт,
Марлинский, Лунин и Бестужев.
Приказ царя забыть про тех,
Кто всё равно погибнет в стуже.
А не погибнет – пусть сгниёт
На вечной каторге, в обломках.
Но не забыл о них народ
И благодарные потомки.
О них, посмеявших предпочесть
Звезде пленительного счастья
Лишенья, смерть и злую месть —
Изгнанья ужас в одночасье.
Мятежный Пушкин, Кюхли друг,
Напишет лучшее творенье:
«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!»
С тех пор немало лет прошло,
Веков и времени другого.
Стиралось то, что сердце жгло
Восстанием, свободным словом.
Но память возвращает вновь
Нас к декабристам, русским жёнам.
Они на каторге любовь
Хранили кладом сбережённым.
Двадцатый век их имена

Напишет золотом на душах.
Сейчас безвременна страна,
Но, слава богу, есть наш Пушкин.
И режиссёр Мотыль найдёт
Актёров тонких, умных, страстных.
Свой фильм он так и назовёт:
«Звезда пленительного счастья».

«Роскошная, сверкающая Вена...»

Роскошная, сверкающая Вена
День Моцарта с размахом отмечает.
Повсюду его музыка гуляет,
В сердца проникнув, радость оставляет
И дальше в мир стремится вдохновенно.

Оркестр венский на открытой сцене
Божественно играет серенаду,
И, кажется, что большего не надо.
И, кажется, сам Амадей галантно
Им дирижирует в вечерней Вене.

Навеки этот город был прославлен.
Пьют венцы кофе свой неторопливо.
Их жизнь размеренна, несуетлива,
Но их всегда волнует Моцарт дивный
И вечный спор: а был ли он отравлен?

«Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь!» —
Так произнес Сальери потрясённый,
Услышав «Реквиема» стон бездонный.
А Моцарт потянулся полусонно:
«Но божество есть хочет, понимаешь?»

Он пил вино, ел мясо с наслаждением.
То хохотал до слёз и без причины,
То вдруг садился, тихий, к клавесину,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.